1-ая Московская гимназія въ 50-хъ годахъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Въ началѣ іюня 1854 г. моя мать сочла меня болѣе или менѣе подготовленнымъ для 2-го класса и отправилась къ директору 1-ой гимназіи (бывшему инспектору студентовъ) Ивану Абрамовичу Шпейеру съ просьбою проэкзаменовать меня немедленно, чтобы успокоить ея родительское сердце и дать возможность ребенку погулять лѣто на свободѣ, безъ страха экзамена. Теперь такая несвоевременная просьба покажется просто нелѣпостью; но тогда наплывъ учениковъ въ гимназіи былъ далеко не такъ великъ, и начальство старалось подбирать мальчиковъ изъ семействъ болѣе достаточныхъ, а мать моя пріѣхала въ собственной коляскѣ; кромѣ того, можетъ быть, возъимѣлъ свое дѣйствіе и золотой, подсунутый письмоводителю канцеляріи. Какъ бы то ни было, мать моя получила такой отвѣтъ: «Теперь, сударыня, невозможно собрать господъ учителей: у нихъ вакація, и они разбрелись, кто куда могъ. А вы пожалуйте съ вашимъ мальчикомъ 20-го числа, когда жалованье выдаютъ, часовъ около 12; тогда авось и наберется достаточно, чтобы проэкзаменовать во 2-ой классъ». 20-го іюня мать одѣла меня въ новый костюмъ и повезла къ Предтеченскимъ воротамъ въ гимназію, которая въ этомъ году только-что была перестроена и отдѣлана заново. Мы явились прямо въ канцелярію, гдѣ я увидалъ директора и человѣкъ 6—7 учителей въ разнообразныхъ неформенныхъ костюмахъ. Мать представила меня Шпейеру, который довольно ласково потрепалъ меня жирной рукой по щекѣ и велѣлъ отвести меня прежде всего къ учителю ариѳметики, который задалъ мнѣ довольно большое дѣленіе и велѣлъ потомъ провѣрить его умноженіемъ; я исполнилъ это удовлетворительно и получилъ 4. Затѣмъ

я попалъ въ руки учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ; у перваго я получилъ, кажется, 3, а у второго оказался ниже всякой критики, такъ какъ зналъ только буквы, да и то плохо: ни мать, ни готовившій меня учитель изъ семинаристовъ не имѣли никакого понятія о гимназической программѣ. При всей своей очевидной снисходительности экзаменаторъ не могъ поставить мнѣ удовлетворительный баллъ и заявилъ о своемъ затрудненіи директору. Тотъ обратился къ матери, сильно сконфуженной моимъ неуспѣхомъ.

— Да сколько, сударыня, лѣтъ вашему сыночку, что вы непремѣнно хотите его въ 2-ой классъ отдать?

— Девять, т. е. будетъ девять 18-го августа.

Директоръ расхохотался.

— И вы хотѣли его во второй классъ втиснуть! Да кто же это вамъ позволитъ? Да мы и никакого права не имѣемъ, хотя бы онъ изъ всѣхъ предметовъ по 5 получилъ!

— Я думала, что онъ такой большой и развитой,—пробормотала еще болѣе сконфуженная мать.

— И не думайте! Это дѣло совершенно невозможное; самъ г. попечитель этого разрѣшить не можетъ. Тутъ прямой законъ. Мы и въ 1-й-то классъ, по-настоящему, не можемъ экзаменовать его, развѣ только изъ особаго снисхожденія въ виду того, что ему будетъ 9 лѣтъ при началѣ ученія; да и то, если г.г. учителя будутъ согласны взять на себя мой грѣхъ.

Мать смотрѣла на учителей умоляющими глазами. Учитель ариѳметики и «нѣмецъ» стали просить за меня директора.

Я былъ такъ мало запуганъ дома и такъ мало импонировала на меня обстановка канцеляріи, что, пока рѣшалась моя участь, я приспособлялся взобраться на спинку стула, покинутаго «нѣмцемъ». Директоръ это замѣтилъ.

— Видите, сударыня: онъ еще совсѣмъ дитя, а вы его во 2-ой классъ! (Мать поспѣшила положить конецъ моимъ эквилибристическимъ упражненіямъ). Ну, да ужъ Богъ съ вами! Г.г. учителя желаютъ, и авось онъ учиться хорошо будетъ. Изъ чего ему еще проэкзаменоваться нужно? Да, изъ Закона Божьяго и изъ русскаго. Иди къ батюшкѣ! Въ 1-й классъ, батюшка!

Экзаменъ мой окончился въ три минуты: батюшкѣ я громко отбарабанилъ: «Вѣрую»; учитель русскаго языка, просматривавшій у окна газету, велѣлъ мнѣ читать изъ «Извѣстія съ Бѣлаго моря» изъ той же газеты и продиктовалъ мнѣ двѣ строчки. Оба поставили по 4 (о конкурсѣ въ то время не могло быть и рѣчи). Директоръ поздравилъ мою мать и даже меня погладилъ по головѣ; что-то пріятное сказали моей матери и два—три учителя. Письмоводитель подсунулъ ей заго-

товленное прошеніе и оказалъ, какія именно бумаги должна она представить. Директоръ милостиво отпустилъ насъ, сказавъ, что 16-го августа я долженъ уже въ вицмундирѣ явиться съ 9 часамъ въ гимназію; нехудо, если у меня къ тому времени будетъ и мундирчикъ.

Мать была довольна на половину; я—въ полномъ восторгѣ: принятъ въ гимназію, гдѣ и учителя и даже директоръ оказались такіе ласковые и гдѣ такъ легко учиться по-русски—только газеты читать. Но какъ все это измѣнилось къ 16-му августа!

Мать привезла меня къ половинѣ девятаго и надѣялась присутствовать при моемъ вступленіи на новое поприще. Но надзиратель надъ своекоштными, Адольфъ Ивановичъ Яннау, сухой поджарый человѣкъ съ ястребинымъ носомъ и сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, сейчасъ же отдѣлилъ меня отъ матери и поставилъ въ ряды такихъ же малышей, а матери указалъ пріемную комнату, гдѣ находились и другіе родители. Насъ же помѣстили къ актовой залѣ у входа въ гимназическую церковь; въ самой же церкви стояли въ рядахъ такъ называемые «казенные», т. е. пансіонеры, одѣтые вмѣсто вицмундировъ въ новенькія курточки. Намъ велѣли стоять тихо, да и примѣръ «казенныхъ», которые держались, какъ солдаты на ученьѣ, дѣйствовалъ на насъ угнетающимъ образомъ. Около 10 часовъ явился директоръ въ мундирѣ, со шпагой, съ орденами. Я не узналъ бы его, еслибъ не слышалъ кругомъ себя робкаго шопота: «директоръ!»—до того измѣнилось выраженіе его лица: коротко остриженные волосы стояли, какъ у ежа; заплывшіе глаза метали молніи; онъ грозно пыхтѣлъ, какъ бы заранѣе гнѣваясь.

— Смир-на!—привѣтствовалъ онъ насъ, хотя мы и безъ того застыли отъ страха.—Велите тамъ начинать!—сказалъ онъ надзирателю и кивнулъ головою по направленію къ алтарю.

Отслужили молебенъ съ многолѣтіемъ. Когда діаконъ возгласилъ: Начальствующимъ, учащимъ и учащимся многая лѣта, директоръ гордо посмотрѣлъ на насъ, и большіе гимназисты съ восторгомъ рявкнули многолѣтіе вмѣстѣ съ хоромъ. Затѣмъ надзиратели отвели всѣхъ насъ во внутренній дворъ гимназіи, среди котораго стояла новешенькая гимнастика, поставили по классамъ полукругомъ и велѣли стоять смирно. Черезъ нѣсколько минутъ передъ нами появился директоръ и замѣчательно зычнымъ голосомъ (онъ былъ изъ моряковъ) сказалъ намъ рѣчь приблизительно такого содержанія:

— Сейчасъ васъ разведутъ по классамъ—показать, куда каждый долженъ являться на уроки. Вы увидите, что тамъ все чистое и новое съ иголочки; бѣда вамъ, если вы вздумаете столы или скамейки портить: жестоко пороть буду. Въ большую перемѣну, пока хорошая погода, васъ будутъ выводить на этотъ дворъ. Не вздумайте на гимна-

стикѣ упражняться и портить ее: не для того она поставлена. Когда учитель въ классъ входитъ, вы должны встать, и дежурный прочтетъ молитву. Когда я войду въ классъ и скажу: здравствуйте, дѣти, вы должны мнѣ отвѣтить: здравія желаемъ, ваше превосходительство (Шпейеръ былъ въ генеральскомъ чинѣ). Остальное вамъ скажутъ надзиратели и учителя. Ну, какъ вы будете отвѣчать мнѣ, когда я войду и скажу: здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—гаркнули триста юношескихъ и дѣтскихъ голосовъ.

Шпейеръ, до тѣхъ поръ мрачный и грозный, просіялъ и милостивымъ движеніемъ руки отпустилъ насъ по классамъ.

Три младшихъ своекоштныхъ класса повелъ попарно Яннау, разсадилъ насъ въ соотвѣтственныя мѣста (корридоры, украшенные картинами, болѣе или менѣе педагогическаго содержанія, и классы, дѣйствительно, блистали новизной) и опять таки велѣлъ сидѣть смирно. Мы, первоклассники, осматривали новую обстановку и другъ друга и шопотомъ знакомились. Грозная фигура и рѣчь директора и не на такихъ малышей, какъ я, нагнала бы страхъ и трепетъ.

Черезъ полчаса тотъ же Яннау сдѣлалъ намъ перекличку, сказалъ намъ, какіе уроки будутъ завтра, и велѣлъ явиться непремѣнно къ 9 часамъ съ тетрадками, карандашами и перьями, и затѣмъ насъ «распустили». Я и нѣсколько другихъ мальчиковъ, привезенныхъ родителями, были въ затрудненіи, какъ отыскать ихъ: дѣятельный Яннау довольно ласково провелъ насъ черезъ церковь и актовую залу на парадное крыльцо, гдѣ я и нашелъ свою мать. Оказалось, что она не потеряла времени даромъ; во время молебна успѣла познакомиться съ Яннау, попросить его обратить на меня особенное вниманіе, успѣла вручить ему что-то и, освѣдомившись объ его адресѣ, намекнуть ему, что онъ и впредь будетъ получать пріятныя неожиданности. Адольфъ Ивановичъ вовсе не воспылалъ при этомъ благороднымъ негодованіемъ, а напротивъ разсыпался, насколько могъ, въ благодарностяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и другіе заботливые родители вступали съ нимъ въ такое же полюбовное соглашеніе. Да и могло-ли это быть иначе? Надзиратель за своекоштными получалъ всего 25 рублей въ мѣсяцъ безъ квартиры и въ гимназіи оставался отъ 8 часовъ до 3-хъ. А въ Москвѣ уже и въ то время сколько-нибудь приличную семейную квартиру съ отопленіемъ нельзя было имѣть меньше 20 рублей, частныхъ же уроковъ надзиратели не могли давать и потому, что и сами обыкновенно были люди безъ всякаго образованія.

А. И. Яннау получалъ отъ моихъ родителей, пока у нихъ были средства, какъ я потомъ узналъ отъ матери, 3 рубля въ мѣсяцъ и къ праздникамъ приношеній натурою рублей на десять. А все-таки,

какъ теперь я полагаю, онъ былъ одинъ изъ самыхъ честныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ 1-ой гимназіи. Педагогомъ онъ, конечно, не былъ ни капельки; но за то и не воображалъ себя таковымъ, какъ другіе надзиратели, нѣмцы и русскіе, которые, пользуясь казенными довольно обширными квартирами, набирали себѣ пансіонеровъ, держали ихъ обыкновенно впроголодь и передвигали изъ класса въ классъ черезъ посредство пятирублевыхъ (т. е. получавшихъ 5 рублей въ мѣсяцъ) репетиторовъ и умаливаній учителей «прибавить моему одну единичку»; учителю, который, можетъ быть, вчера же угощался до второго часу у этого же самаго Ивана Францовича, было неловко отказать «товарищу»; а родители учениковъ за эти угощенія и за дешевыхъ репетиторовъ расплачивались сторицею. Адольфъ Ивановичъ (въ ученическомъ просторѣчіи просто Адольфъ) получалъ небольшія благодарности за особое вниманіе къ ученику, которое выражалось въ томъ, что онъ еженедѣльно выписывалъ всѣ баллы ученика и посылалъ въ субботу родителямъ (до 1858 г. казенныхъ «бальниковъ» не существовало), подыскивалъ репетиторовъ, являлся къ родителямъ самолично, если ученику грозила серьезная бѣда, совѣтовалъ попросить директора, учителя, но и только: никогда онъ не просилъ учителей за своихъ и вообще держался вдали отъ нихъ; никогда мы не замѣчали, чтобы онъ былъ снисходительнѣе къ тѣмъ, чьи родители благодарили его, или суровѣе къ остальнымъ: за мелкія шалости онъ и тѣмъ и другимъ дѣлалъ одинаковыя словесныя внушенія, постукивая, для большей убѣдительности, въ лобъ пальцемъ съ перстнемъ весьма почтенныхъ размѣровъ; за среднія ставилъ подъ звонокъ на колѣни послѣ классовъ, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ обращался къ авторитету инспектора. Когда мои родители впослѣдствіи обѣднѣли и перестали благодарить его за меня, я не почувствовалъ никакой перемѣны въ его обращеніи со мною, а когда я былъ въ 6-мъ классѣ, онъ же доставилъ мнѣ первый урокъ (взяточники по натурѣ, какъ извѣстно, ненавидятъ тѣхъ, кто перестаетъ давать имъ).

А ужъ служака онъ былъ, какихъ мало на свѣтѣ: ни въ семь лѣтъ моего ученья въ гимназіи, ни въ три года моего учительства тамъ же, онъ, сколько помню, ни разу не манкировалъ, хотя и приходилъ иногда съ повязаннымъ горломъ. Во время большой перемѣны онъ никогда не присаживался, и его сѣрые глаза имѣли способность выдѣть одновременно все во всѣхъ четырехъ залахъ, гдѣ шумѣла наша трехсотенная толпа: всякій толчекъ товарищу, всякая попытка вступить въ борьбу или драку или даже пробѣжать по залѣ немедленно вызывали съ его стороны не тяжелую, но неизбѣжную кару.

За то съ Адольфа Ивановича нечего было и спрашивать какихъ-либо педагогическихъ соображеній. Вотъ какая сцена, напр., по-

вторялась десятки разъ каждый годъ. Пуститъ кто-нибудь безъ всякаго основанія слухъ, что завтра не учиться. При отпускѣ своекоштныхъ учениковъ «Адольфъ» непремѣнно стоитъ на площадкѣ чугунной лѣстницы и пропускаетъ мимо себя всѣ классы.

— Адольфъ Ивановичъ! завтра не приходить?—спрашиваетъ его какой-нибудь первоклассникъ.

— Отчего это?

— Говорятъ, праздникъ.

— Какой вздоръ! Никакого праздника нѣтъ.

Двѣ-три «пары», слышавшія этотъ отвѣтъ, проходятъ молча.

— Адольфъ Ивановичъ! Завтра праздникъ?—спрашиваетъ другой мальчикъ.

— Вотъ я тебѣ задамъ праздникъ!—отвѣчаетъ Адольфъ уже съ раздраженіемъ.

Опять проходятъ двѣ-три пары безъ вопроса.

— Адольфъ Ивановичъ! Завтра не приходить?—спрашиваетъ третій.

— Подъ звонокъ, на колѣни!—уже гремитъ Адольфъ, и бѣдный козелъ отпущенія съ ревомъ идетъ подъ звонокъ. Адольфъ Ивановичъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что нелѣпый вопросъ столько разъ задается ему съ дурнымъ умысломъ.

Но возвращаюсь къ началу своей гимназической карьеры.

17-го августа, въ $8^1/_2$ часовъ, я съ пачкою тетрадей уже былъ на внутреннемъ гимназическомъ дворѣ, знакомился кое съ кѣмъ изъ товарищей и со страхомъ созерцалъ гимнастику, за пользованіе которой было обѣщано столь суровое воздаяніе. Адольфъ Ивановичъ прохаживался между нами и наблюдалъ за порядкомъ.

Безъ пяти минутъ девять прозвонилъ звонокъ, и мы попарно двинулись въ классы. Мы въ своемъ классѣ уже нашли вывѣшенный на стѣнѣ списокъ всѣхъ насъ по алфавиту и распредѣленіе уроковъ. Такъ какъ Адольфъ не могъ быть одновременно во всѣхъ трехъ классахъ, а порядокъ передъ приходомъ учителей долженъ быть образцовый («чтобъ муху слышно было», объяснилъ намъ тотъ же Адольфъ), такъ намъ былъ присланъ «старшій», т. е. ученикъ VI или VII класса съ нашивками и съ властью надзирателя. Онъ назначилъ изъ насъ дежурнаго (перваго по алфавиту) и объяснилъ ему его обязанности: приготовить губку и мѣлъ, вытереть доску и, главное, составить списокъ отсутствующихъ; на первый разъ онъ сдѣлалъ намъ перекличку и самъ составилъ такой списокъ.

Ровно въ 9 часовъ въ классъ вошелъ учитель ариѳметики Александръ Тимоѳеевичъ Раменскій (онъ 20-го іюня экзаменовалъ меня во второй классъ и тогда показался мнѣ очень добродушнымъ; но теперь въ вицмундирномъ фракѣ имѣлъ видъ несравненно болѣе суровый),

плотный четырехъ-угольный человѣчекъ лѣтъ подъ пятьдесятъ; говорилъ онъ сильно въ носъ.

По выслушаніи молитвы, которая тогда читалась передъ каждымъ урокомъ, онъ обратился къ намъ съ такою рѣчью:

— Ну, поросята, раскрывайте тетради, берите перья и пишите ясно, раздѣльно и правильно.

«Вопросъ. Что есть ариѳметика?

«Отвѣтъ. Ариѳметика есть наука о числахъ.

«В большое и точка. Что есть число?

«О большое и точка. Число есть собраніе единицъ.

«В. Что есть единица?» и т. д.

Продиктовавъ страницы три очень медленно, онъ велѣлъ одному изъ насъ прочесть написанное и за сдѣланную имъ ошибку щелкнулъ чтеца въ носъ.

Къ слѣдующему разу мы должны были все продиктованное выучить и говорить наизусть съ вопросами и отвѣтами.

Раменскій былъ учитель ужасно старозавѣтный по дидактическимъ пріемамъ—мы и задачи должны были говорить наизусть,— но въ сущности недурной и неглупый. Онъ рѣдко бралъ на себя трудъ «толковать» уроки, въ особенности въ началѣ (большинство изъ насъ уже знали четыре дѣйствія), но когда убѣждался, что даже и порядочные ученики не понимаютъ продиктованнаго, онъ кряхтя сходилъ съ каѳедры и объяснялъ кратко, но очень удобопонятно, такъ что послѣ него и плохой ученикъ могъ повторить объясненіе; впередъ шелъ онъ медленно, и только тогда, когда и плохіе ученики усвоивали отдѣлъ. «Науку» онъ сокращалъ елико возможно, но программу исполнялъ въ точности; онъ никогда не опаздывалъ и не пропускалъ уроковъ. Частныхъ уроковъ своимъ ученикамъ (какъ извѣстно, тѣ же взятки, но въ смягченной формѣ) онъ никогда не давалъ; да и едва-ли кто и вводилъ его въ искушеніе: при его системѣ частыхъ повтореній, кромѣ отчаянныхъ к а м ч а т н и к о в ъ, никто у него, начиная со второго полугодія, меньше тройки не получалъ.

Ученики разсказывали анекдоты объ его феноменальной скупости (напр., какъ онъ, пріобрѣтя при посредствѣ кухарки въ магазинѣ Ермолова фунтъ орѣховъ и, найдя въ немъ орѣхъ со свищомъ, посылалъ ее снова въ магазинъ перемѣнить негодный орѣхъ); не знаю, насколько въ нихъ было правды; но увѣренъ, что онъ при своихъ донельзя простыхъ привычкахъ—никто никогда не видалъ Раменскаго ѣдущимъ на извозчикѣ; ту же фуражку съ кокардою, которую я зналъ первоклассникомъ, я видѣлъ на Раменскомъ и черезъ одиннадцать лѣтъ, самъ служа учителемъ въ той же гимназіи—не проживалъ и половины своего скромнаго жалованья. А человѣкъ привычки былъ онъ до такой степени,

что, выйдя въ отставку въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ все же ежедневно въ половинѣ девятаго направлялся тихимъ шагомъ къ гимназіи; дойдетъ до воротъ, вздохнетъ и поплетется назадъ домой.

Черезъ недѣлю или двѣ послѣ начала уроковъ я былъ свидѣтелемъ отвратительной сцены, за которую я надолго возненавидѣлъ Раменскаго и, какъ потомъ оказалось, не совсѣмъ справедливо.

Былъ у насъ ученикъ Самоваловъ изъ новенькихъ, но довольно великовозрастный, съ глупымъ и жалкимъ лицомъ, очевидно очень бѣдный, судя по вицмундиру изъ грубаго сукна; сидѣлъ онъ на задней скамейкѣ, слушая въ десятый или двадцатый разъ: «Вопросъ: что есть уменьшаемое? Отвѣтъ: уменьшаемое есть число, отъ котораго при вычитаніи» и пр.; онъ, вѣроятно, безсознательно вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и сталъ что-то вырѣзывать на новенькомъ столѣ, покрытомъ блестящимъ чернымъ лакомъ. Раменскій замѣтилъ.

— Ты что это, поросенокъ, тамъ дѣлаешь?—воззвалъ математикъ и двинулся къ виновному. Самоваловъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и спряталъ ножикъ; но улика была на лицо.

— Ну ужъ, братъ, не прогнѣвайся, а я Адольфу Ивановичу скажу, и тотъ тебѣ такую порку задастъ...

Когда кончился урокъ, Раменскій велѣлъ Самовалову идти за нимъ; но на того напалъ такой страхъ, что онъ, почти обезумѣвъ, грубо отвѣтилъ: «Не хочу, не пойду» и оттолкнулъ Раменскаго, когда тотъ попытался взять его за руку.

Раменскій покраснѣлъ отъ гнѣва; необычно быстрымъ шагомъ вышелъ изъ класса и черезъ минуту явился съ страшнымъ для насъ Адольфомъ. Несчастный Самоваловъ и тутъ продолжалъ «оказывать сопротивленіе властямъ» и спасаться отъ нихъ, бѣгая по столамъ и тѣмъ усугубляя свою вину. Наконецъ, призванъ былъ солдатъ, и Самовалова увели.

Пока мы смотрѣли на эту охоту за нашимъ товарищемъ, наши сердчишки колотились отъ чисто животнаго страха, а когда Самоваловъ явился минутъ черезъ двадцать назадъ смертельно блѣдный, съ какими-то красными полосами на лбу и дрожащими губами, нашъ животный страхъ осложнился и состраданіемъ, и въ то же время какимъ-то отвращеніемъ къ потерпѣвшему.

Позднѣе я убѣдился, что Раменскій вовсе не былъ жестокимъ человѣкомъ; напротивъ, онъ былъ благодушнѣе и сострадательнѣе большинства нашихъ учителей; но онъ былъ до крайности исполнительнымъ чиновникомъ, а такъ какъ директоръ рекомендовалъ всѣмъ смотрѣть за чистотой столовъ, то онъ, скрѣпя сердце, и предалъ Самовалова на казнь; весьма возможно, что самъ же онъ и попросилъ при этомъ Адольфа наказывать преступника полегче. А наказывать въ то время

значило драть; всѣ другія наказанія: единицы, стояніе на колѣняхъ въ классѣ или подъ звонкомъ въ корридорѣ, изгнаніе изъ класса, оставленіе послѣ класса, тройка за поведеніе и проч., имѣли въ нашихъ глазахъ значеніе постолько, посколько они приближали наказуемаго къ розгамъ. Три единицы въ недѣлю вели къ субботней поркѣ, которой подвергалось не менѣе 20—30 учениковъ каждый разъ; стоять на колѣняхъ или быть изгнаннымъ изъ класса въ хорошей компаніи было гораздо веселѣе, нежели сидѣть на урокѣ; но Шпейеръ иногда дѣлалъ набѣги въ гимназію, и если былъ въ дурномъ расположеніи духа, захватывалъ стоящихъ въ корридорѣ или на колѣняхъ и уводилъ драть; подъ звонкомъ постоять (противъ учительской) или остаться послѣ класса и вдвоемъ-втроемъ побѣгать по пустымъ корридорамъ тоже занятіе пріятное; но могъ придти инспекторъ и увести съ собою для той же жестокой расправы; инспекторъ у насъ (Л. О. Новицкій) былъ человѣкъ добрый и хорошій; но такова была тогда система воспитанія.

Чтобы не возвращаться къ этому гнусному предмету, я теперь же скажу, какъ производилась эта расправа и какъ «система» дѣйствовала на наши характеры и міровоззрѣніе.

Удовольствіе видѣть самый актъ мнѣ и моимъ товарищамъ доставилъ г. директоръ (убѣжденный любитель «системы») на второй или третій мѣсяцъ моего пребыванія въ гимназіи. Разъ явился онъ со своимъ штабомъ—при немъ всегда находился одинъ надзиратель еврейскаго типа и экономъ Росціусъ—во время большой перемѣны въ рекреаціонный залъ, когда мы едва-едва успѣли купить у булочника или вынуть изъ заднихъ кармановъ свои завтраки. Мгновенно воцарилась мертвая тишина, и мы прижались къ стѣнкамъ.

— Становись по росту; маленькіе впередъ!—загремѣлъ Шпейеръ.

Въ нѣсколько секундъ приказъ его былъ исполненъ; завтраки исчезли безслѣдно.

Въ это время въ залу вошли трое служителей; двое несли скамейку, а третій мѣдный тазъ съ пучками намоченныхъ розогъ. За ними шли, опустивъ головы, два «казенныхъ» гимназиста, уже подростки, лѣтъ по 15—16.

— Эти два негодяя,—началъ хриплымъ басомъ директоръ,—совершили скверный поступокъ [1]), за который ихъ слѣдовало бы выгнать

---

[1]) Мудрый педагогъ такъ и не объяснилъ намъ, въ чемъ состоялъ проступокъ наказуемыхъ; проступокъ, какъ черезъ нѣсколько дней сказалъ мнѣ кто-то изъ старшихъ, былъ достоинъ „системы“: юноши ночью, переодѣвшись въ солдатскія шинели, ушли изъ гимназіи, напились водкой и на Предтеченскомъ бульварѣ обидѣли двухъ дѣвушекъ, за что и были препровождены въ полицію, а оттуда въ гимназію на расправу.

изъ гимназіи; но ихъ несчастные родители упросили меня оставить ихъ пока, увѣряя, что они исправятся. Только я при васъ всѣхъ накажу ихъ примѣрно, чтобъ вы знали, какъ въ гимназіи поступаютъ съ негодяями. Зубрицкій! раздѣвайся, ложись!

— Ваше превосходительство! простите! помилуйте!—завылъ дикимъ голосомъ Зубрицкій, упалъ на колѣни и обхватилъ толстыя ноги директора. Тотъ оттолкнулъ его сапогомъ въ лицо и сдѣлалъ знакъ служителямъ. Въ одинъ мигъ (при помощи усерднаго черненькаго надзирателя) Зубрицкій оказался полураздѣтымъ и распластаннымъ на скамейкѣ; одинъ солдатъ крѣпко держалъ его за голову, другой за ноги, и началось истязаніе. Пучки были длинные и толстые; били со всего плеча, такъ что послѣ 15 — 20 ударовъ вся кожа сдѣлалась синебагровой, а черезъ двѣ-три минуты потекла кровь. Зубрицкій не кричалъ, а вылъ нечеловѣчески. Но басъ директора все-же былъ слышанъ отчетливо: — «Хорошенько, хорошенько его, мерзавца!», и онъ въ тактъ притопывалъ ногою.

Было дано ударовъ сорокъ; но какихъ! Вѣроятно, я солдатъ не часто такъ наказывали.

Принялись за другого, и съ такимъ же усердіемъ; этотъ не вопилъ, но грызъ лавку и стоналъ; въ результатѣ подъ нимъ оказались двѣ лужицы крови.

— Довольно!—провозгласилъ, наконецъ, директоръ.—Такъ и съ каждымъ изъ васъ будетъ поступлено, если вы будете дурно вести себя. Прощайте, дѣти!

Едва-ли два-три десятка хриплыхъ голосовъ крикнуло: Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Странно для нынѣшняго поколѣнія: ни съ кѣмъ изъ насъ ни во время казни, ни послѣ нея не сдѣлалось дурно; только большинство маленькихъ были бѣлѣе стѣны; а когда я досталъ изъ кармана свой розанчикъ и хотѣлъ ѣсть его, въ немъ оказался вкусъ сырого мяса, и я съ отвращеніемъ бросилъ его въ плевальницу; то же дѣлали и многіе другіе.

Какое вліяніе имѣла на насъ такая система? Конечно, на разныхъ разное; но можно было подмѣтить и нѣчто общее, впрочемъ, съ раздѣленіемъ по группамъ.

Такъ какъ это не было традиціонное ежедневное и ежечасное всеобщее дранье бурсацкое, извѣстное намъ по Помяловскому и по воспоминаніямъ, напримѣръ, Н. И. Гилярова-Платонова, и дѣти «благонравныя» и изъ «хорошихъ домовъ» ему не подвергались, то каждый классъ непремѣнно распадался на не отвѣдавшихъ казенныхъ розогъ и на близко знакомыхъ съ ними. Каждая группа имѣла свою гордость; первые страшно боялись перейти въ число вторыхъ и жили въ непре-

станномъ трепетѣ; не было униженія, на которое не согласился бы съ восторгомъ «благонравный» (я, конечно, не говорю объ исключеніяхъ, «о герояхъ») изъ страха передъ роковой скамейкой и не столько изъ-за физической боли, сколько изъ опасенія перейти въ «разрядъ штрафованныхъ»; никогда онъ и про себя не осмѣливался критиковать какія-либо слова или дѣйствія человѣка, имѣющаго власть послать его «внизъ».

Въ результатѣ—запуганные умы и души, рабы и трусы, если не на всю жизнь, то съ отзвуками этой физической, не разсуждающей трусости, прекрасный матеріалъ для изготовленія слѣпыхъ исполнителей на службѣ и часто тирановъ въ семьяхъ и вообще надъ слабѣйшими. Но если «благонравный» по ребяческой живости подпадалъ экзекуціи и не могъ скрыть совершившагося факта, онъ сразу становился «отчаяннымъ», для котораго ужъ нѣтъ ничего завѣтнаго. Послѣ казенной серьезной порки всѣ домашнія наказанія были для него сущій пустякъ, и онъ заставлялъ трепетать передъ собою не только братьевъ и сестеръ, но часто и родителей. Подъ вліяніемъ закоренѣлыхъ въ «отчаянности» товарищей онъ необыкновенно быстро терялъ всякій стыдъ и совѣсть, и становился донельзя циниченъ и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ, способенъ на всякую гадость, иногда и на преступленіе, но при этомъ часто храбръ до безумія.

Нѣсколько смутно припоминается мнѣ фигура нѣкоего Грешнера (вслѣдствіе ея легендарности я не отвѣчаю за точность фактовъ, но такое преданіе сложилось среди насъ, живыхъ свидѣтелей), моего «товарища» по третьему классу [1]), который въ одинъ день съумѣлъ совершить два дѣянія (п о д в и г а съ нашей точки зрѣнія), заставившія говорить о немъ всю гимназію. Въ продолженіе цѣлаго урока рисованія онъ былъ дѣятельно занятъ въ своемъ уголкѣ изготовленіемъ въ плевальницѣ особаго снадобья; самодѣльнымъ сифономъ изъ бумажки онъ вытягивалъ чернила изъ ввинченныхъ чернильницъ, мѣшалъ чернила съ пескомъ, туда же крошилъ бумажки и кусочки мѣла. Потомъ онъ

[1]) Мнѣ, 11-лѣтнему мальчику, странно было и считать своими „товарищами“ 17—18-лѣтнихъ юношей, которые по многу лѣтъ засѣдали въ „камчаткѣ“ третьяго класса, въ надеждѣ, что когда-нибудь ихъ перепустятъ въ четвертый, а оттуда они уже прямо направлялись въ юнкера или въ гражданскую службу. Эти юноши во всякомъ случаѣ насъ не считали товарищами и выдавали насъ начальству, если мы расшумимся или сдѣлаемъ дѣтскую шалость. Отношеніе физической силы между нами и ими было настолько неравное, что я живо помню, какъ одинъ изъ нихъ, раздраженный приставшимъ къ нему мальчикомъ съ первой скамейки, запустилъ руку въ его хоть и остриженныя кудри и поднялъ его на воздухъ. Эти камчатники, переодѣвшись въ штатское, ходили на Бабій городъ драться на кулаки и считались тамъ витязями не изъ послѣднихъ.

взялъ у кого-то чистый листъ бумаги, въ двѣ минуты нарисовалъ какую-то фигуру и обратился къ учителю:

— Александръ Трофимовичъ! Посмотрите пожалуйста мой рисунокъ; я окончилъ.

Учитель, польщенный такимъ неожиданнымъ усердіемъ отчаяннаго лѣнтяя, поспѣшилъ на его зовъ; когда онъ наклонился къ рисунку, Грешнеръ надѣлъ ему на голову плевальницу съ всѣмъ содержимымъ въ ней. Можете себѣ представить нашъ восторгъ при этомъ зрѣлищѣ (мы не любили учителя). Къ тому же въ эту минуту раздался звонокъ, двери отворились, и учитель долженъ былъ въ этомъ видѣ идти въ корридоръ и въ учительскую.

Разсудили-ли, что на Грешнера розги не дѣйствуютъ, приберегали-ли его для торжественнаго наказанія, не знаю. Во всякомъ случаѣ его не водили внизъ, а рѣшили запереть послѣ уроковъ въ одномъ изъ классовъ и проморить голодомъ до вечера. Сидитъ Грешнеръ подъ замкомъ, а дверь стеклянная. Видитъ онъ, что по корридору проходитъ надзиратель за казенными, нѣмецъ Нейманъ, человѣкъ, кажется, хорошій, во всякомъ случаѣ ему, Грешнеру, не сдѣлавшій никакого зла, но носившій плохо пригнанный паракъ. Грешнеръ стучитъ въ стекло и знаками показываетъ, что онъ умираетъ отъ жажды и что вообще чувствуетъ себя нехорошо. Добрый Нейманъ достаетъ стаканъ воды и ключъ у солдата и идетъ къ заключенному. Но только-что онъ вошелъ, Грешнеръ сорвалъ съ него паракъ и опять-таки надѣлъ ему на голову плевальницу; затѣмъ онъ заперъ нѣмца, положилъ ключъ въ карманъ и ушелъ домой, сказавъ, что его отпустилъ г. Нейманъ. А на другой день онъ явился въ гимназію, чтобы показать намъ паракъ Неймана! Конечно, ему предложили «отставку съ мундиромъ», т. е., жестоко выдравши, уволили навсегда изъ гимназіи.

Разсказывали, будто Грешнеръ черезъ нѣсколько дней взломалъ у отца ящикъ съ деньгами, похитилъ 400 рублей и уѣхалъ на Кавказъ (тогда еще не замиренный) въ юнкера; тамъ и сложилъ онъ свою буйную голову.

Какъ ни антипедагогично было дранье за шалости, еще безсмысленнѣе и нелѣпѣе было дранье за три единицы въ недѣлю (рисованіе и чистописаніе не считались). Иной скромный и усердный, но малоспособный и плохо подготовленный по языкамъ мальчикъ пять-шесть разъ въ годъ подвергался этому жестокому наказанію, которое нисколько не улучшало ни его французскаго выговора, ни умѣнья угадывать родъ именъ по-нѣмецки. Самъ исполнительный «Адольфъ» потомъ говорилъ мнѣ, что его возмущало это *правило*, и онъ приказывалъ бить какъ можно легче такихъ несчастныхъ.

Съ четвертаго класса, по обычаю, дранье прекращалось, только

иногда въ видѣ экстренной мѣры прилагалось оно къ паноіонерамъ. Но далеко не всѣ были согласны подвергаться этому, теперь унизительному, по мнѣнію даже самыхъ отчаянныхъ, наказанію: до насъ то и дѣло доходили слухи, что такой-то вынулъ ножъ и грозилъ зарѣзаться, другой хотѣлъ пырнуть солдата и предпочелъ быть выключеннымъ или отсидѣть двѣ недѣли въ карцерѣ на водѣ и хлѣбѣ; а третій и дѣйствительно ударилъ ножемъ инспектора, который вылежалъ недѣли три въ постели.

Освобожденные, вслѣдствіе обычая, отъ страха дѣйствительно страшнаго наказанія и привыкшіе съ десяти лѣтъ съ презрѣніемъ относиться ко всѣмъ другимъ видамъ взысканія, мы съ четвертаго класса дѣлались какими-то башибузуками по отношенію къ надзирателямъ и многимъ учителямъ, не говоря уже о маленькихъ гимназистахъ, которыхъ мы позволяли себѣ бить, какъ говорится, походя. То же продолжалось и въ пятомъ классѣ; только съ шестаго мы становились нѣсколько серьезнѣе и какъ-будто цивилизованнѣе; но у многихъ вплоть до самаго университета отношенія къ начальству носили дикій и свирѣпый характеръ. Дальше я приведу примѣры; теперь же позволю себѣ забѣжать лѣтъ на семь впередъ и указать на то, какія послѣдствія имѣло на нравы гимназистовъ упраздненіе розогъ.

Въ 1861 году я окончилъ курсъ въ гимназіи, а въ 1865 году былъ приглашенъ учителемъ исторіи въ ту же первую гимназію въ 3-й, 4-й и 5-й параллельные классы. Не безъ страха думалъ я о томъ, какъ-то я сумѣю поддержать дисциплину среди этихъ подростковъ, изъ которыхъ иные еще помнили меня самого гимназистомъ; но я надѣялся на хорошаго и энергичнаго директора. Первый урокъ пришлось мнѣ давать въ пятомъ классѣ, и я былъ убѣжденъ, что директоръ просидитъ у меня весь часъ, чтобы поддержать новичка. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда директоръ, отрекомендовавъ меня ученикамъ, сейчасъ же скрылся, сказавъ съ любезною улыбкой:

— Ну, не хочу вамъ мѣшать!

Хороша любезность,—думалъ я.—Надо мной, безъ сомнѣнія, сейчасъ продѣлаютъ рядъ штукъ, которыя навсегда уничтожатъ мой авторитетъ. Нечего дѣлать, пока надо терпѣть. Вѣроятно, мои не геройскія чувства отражались на лицѣ моемъ, такъ какъ мнѣ показалось, что нѣкоторые ученики улыбались.

— Ваша фамилія?—спросилъ я юношу лѣтъ семнадцати, на видъ довольно дерзкаго (а про себя думаю: сейчасъ начнется. Такую «фамилію» мнѣ ляпнетъ, что весь классъ со смѣху покатится).

Юноша всталъ во весь ростъ и почтительно отвѣтилъ мнѣ.

— Аинцевъ.

Классъ молчитъ. Заглянулъ я въ списокъ: тамъ есть такая фамилія и противъ нея отмѣтка: втор., т. е. на второй годъ.

*

— Вы изъ какого предмета не выдержали?

— Изъ математики.

— А изъ исторіи держали?

— Да-съ. Три получилъ.

— Ну-ка, разскажите мнѣ,—и я началъ урокъ. Ученики сидятъ, не шелохнутся. Одинъ шопотомъ спросилъ о чемъ-то сосѣда. Я строго посмотрѣлъ въ ту сторону; сосѣдъ, не отвѣчая, отмахнулъ на вопрошающаго рукою. Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ.

Прозвонилъ звонокъ, а я еще не кончилъ разсказа; я ожидалъ взрыва буйства и невольно остановился на серединѣ фразы; но ученики сидятъ неподвижно и смотрятъ, какъ говорится, мнѣ въ ротъ. Я окончилъ, сложилъ списокъ и поклонился.

— До свиданья, А. И.,—отвѣчаютъ мнѣ два десятка привѣтливыхъ голосовъ.

Слѣдующій мой урокъ былъ послѣ большой перемѣны, во время которой учителя параллельныхъ классовъ, или такъ называемаго директорскаго дома не имѣли особой комнаты, а находились въ залѣ среди учениковъ. Ученики завтракаютъ, болтаютъ, смѣются, ходятъ группами или парами, обнявшись, какъ институтки. Среди нихъ спокойно ходитъ молодой надзиратель, изрѣдка дѣлая замѣчанія маленькимъ. И только, нѣтъ и въ поминѣ тѣхъ наглыхъ шалостей, героическихъ дракъ; нѣтъ и подобострастной трусости «благонравныхъ» передъ нами или передъ надзирателями.

Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ и, зайдя къ директору послѣ окончанія уроковъ, выразилъ ему свое удивленіе и спросилъ его, какимъ чудеснымъ способомъ достигъ онъ такихъ результатовъ?

Директоръ былъ польщенъ моимъ вопросомъ и сказалъ: «Конечно, тутъ есть частица и моей работы, но главная причина—отмѣна розогъ. Мое поступленіе сюда какъ разъ совпало съ распоряженіемъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, и я настоялъ, чтобъ надзиратели исполняли его, какъ слѣдуетъ, т. е. воздерживались безусловно отъ всякихъ «внушеній», кромѣ нравственныхъ, за что обѣщалъ имъ свою поддержку. Ну, конечно, не обошлось безъ жертвъ: пришлось разстаться съ двумятремя надзирателями, которые не могли примѣниться къ новымъ порядкамъ; пришлось исключить и десятка два учениковъ, которые не поддавались нравственнымъ воздѣйствіямъ. Но за то, видите, что вышло».

Впослѣдствіи я убѣдился, что дѣло идетъ не такъ ужъ гладко, какъ мнѣ показалось съ перваго раза; что въ нормальныхъ классахъ, куда директоръ заглядываетъ рѣже и куда не подбираются дѣти изъ интеллигентныхъ семействъ, бываютъ и единоборства, и массовыя шалости, и «исторіи» съ малоуважаемыми учителями, что блестящая медаль

имѣетъ и свою оборотную сторону: исключенія и увольненія изъ гимназіи и по закону (больше двухъ лѣтъ нельзя пробыть въ классѣ), и по постановленію совѣта, и по настойчивому внушенію директора стали несравненно чаще и что за всякую шалость, тѣмъ болѣе за недостаточные успѣхи ученика теперь стали отвѣчать «родители», которыхъ начали вызывать еженедѣльно, и поодиночкѣ, и группами, и «внушать» и угрожать имъ безъ конца... Но въ общемъ все-же перемѣна была разительная и въ высшей степени отрадная.

Отъ 1865 года возвращаюсь къ 1854-му.

Учителемъ русскаго языка въ младшихъ 3-хъ классахъ былъ у насъ Павелъ Петровичъ Магницкій, котораго потомъ мнѣ пришлось узнать довольно близко. Оригинальное впечатлѣніе производилъ онъ и какъ человѣкъ, и какъ учитель даже и среди русскаго общества того времени, столь богатаго оригинальными явленіями. Сынъ священника, изъ Московскаго военнаго госпиталя, онъ съ дѣтства обладалъ выдающимися способностями: памятью, находчивостью, умѣньемъ сочинять звучные стихи и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, и незаурядной лѣнью и безшабашностью. Онъ воспитывался въ той же гимназіи уваровскаго времени, гдѣ его дядя Лебедевъ былъ инспекторомъ; Лебедевъ былъ человѣкъ нелицепріятный, наказывавшій своего роднаго племянника въ примѣръ другимъ. Онъ окончилъ курсъ не въ числѣ первыхъ, но древніе языки и математику зналъ, навѣрно, лучше иныхъ первыхъ. Поступивъ на филологическій факультетъ, онъ скоро попалъ гувернеромъ въ аристократическій домъ Чертковыхъ и тамъ имѣлъ случай безъ особыхъ усилій узнать хорошо и языки новые; кромѣ того въ богатой чертковской библіотекѣ онъ узналъ если не содержаніе, то названіе массы источниковъ и пособій по русской и всеобщей исторіи и, что еще того важнѣе, познакомился съ профессорами, или посѣщавшими домъ Чертковыхъ, или дававшими тамъ уроки.

Когда въ 1849 году (если не ошибаюсь) студенты-филологи читали при министрѣ лекціи товарищамъ на вольныя темы, лекція Магницкаго была изъ первыхъ. Короче сказать, все слагалось такъ, что, имѣй онъ немножко честолюбія и выдержки, передъ нимъ открывалась карьера видная, тѣмъ болѣе, что когда онъ хотѣлъ, онъ могъ быстро постигнуть любой характеръ и просто очаровать любаго человѣка (кого грубой,—кого тонкой лестью, кого начитанностію и умомъ, кого находчивостью и смѣлостью, кого остроуміемъ). Честолюбія-то или, вѣрнѣе, самолюбія, у него было очень много, но выдержки, устойчивости ни малѣйшей. Когда обстоятельства его вынудятъ или когда онъ захочетъ показать себя, онъ могъ просидѣть пятьдесятъ часовъ подъ рядъ и сдѣлать въ два-три дня то, на что другому понадобятся мѣсяцы (здоровьемъ и крѣпостью головы и нервовъ онъ отличался изумитель-

ными); но за то послѣ такого подвига онъ засыпалъ умственно (занимаясь только картами или чтеніемъ французскихъ романовъ) на цѣлые годы. Кромѣ того, его самолюбіе, не поощряемое большими успѣхами (а откуда могли они взяться при такой лѣни?), переходило въ непомѣрное самомнѣніе и въ стремленіе издѣваться надъ тѣми средними людьми, которые становились рядомъ съ нимъ или даже выше его, а этими издѣвательствами и своею дерзостью, въ минуту возбужденія, онъ способенъ былъ на самую отчаянную выходку; онъ хоть и внушалъ страхъ и невольное уваженіе, но еще больше возбуждалъ ненависть въ сослуживцахъ и начальствѣ, что конечно, карьерѣ не могло способствовать, въ особенности въ то время, когда «почтительность» была высшей служебной добродѣтелью.

И вотъ въ 30 лѣтъ, этотъ такъ много обѣщавшій молодой человѣкъ, стоявшій по подготовкѣ, способностямъ и даже знаніямъ головой выше большинства товарищей, былъ только **младшимъ** учителемъ русскаго языка; но учителемъ особаго рода. Во-первыхъ, онъ рѣзко отличался отъ своихъ сослуживцевъ и самымъ костюмомъ: ходилъ не въ вицъ-мундирѣ, а въ модномъ фракѣ съ красными шелковыми отворотами на рукавахъ, въ отличномъ бѣльѣ и лаковыхъ сапожкахъ (у него были очень дорогіе частные уроки), любилъ, несмотря на свою не особенно красивую наружность, изящныя бездѣлушки: золотыя запонки, часики съ эмалью, духи и пр.

Во-вторыхъ, онъ пропускалъ массу уроковъ, а на остальные, чуть не на всѣ, являлся за полчаса и за 20 минутъ до звонка. Но и это время онъ не насъ училъ, а самъ забавлялся на счетъ насъ и своихъ сослуживцевъ. Войдетъ медленно и важно, стряхнетъ барежевымъ платкомъ пыль съ кресла, усядется, возьметъ перо, чтобы отмѣтить отсутствующихъ, осмотритъ его кончикъ, прищуривъ свои небольшіе глазки, и начнетъ издѣваться.

— Дежурный!—ты откуда, братецъ мой, это перо досталъ?

— Въ лавкѣ купилъ-съ.

— Врешь! Ты его въ навозной кучѣ нашелъ. Это не перо, а помело! (Классъ сдержанно и робко смѣется на счетъ ни въ чемъ не повиннаго дежурнаго).

— Ты его и другимъ учителямъ подавалъ?

— Точно такъ-съ.

— Что ты, братецъ, точно солдатъ отвѣчаешь? Ты вѣдь не солдатъ еще; можетъ быть, будешь имъ. А пока отвѣчай, какъ люди отвѣчаютъ: Да, подавалъ?

— Подавалъ-съ.

— Кому же ты его подавалъ? Александру Трофимовичу?

— Да-съ.

— А онъ тебя «поросенкомъ» не назвалъ?

Классъ смѣется теперь уже на счетъ учителя ариѳметики, у котораго «поросенокъ» любимое слово. А Магницкій начинаетъ перебирать другихъ учителей и высказывать предположенія, что каждый изъ нихъ долженъ былъ сказать.

Надоѣсть ему эта забава; выдумаетъ другую: исказитъ, напр., умышленно и всегда обидно фамилію какого-нибудь ученика, преимущественно изъ барчуковъ, и если тотъ надуется или заплачетъ, начнетъ рисовать картину, какъ его дома нянюшки и мамушки пѣстуютъ и балуютъ.

Читатель можетъ подумать, что у такого учителя-забавника ученики чувствовали себя очень свободно. Ничуть не бывало: его боялись, какъ огня, хотя онъ никогда никого не записывалъ въ журналы, никогда ни на кого не жаловался и очень рѣдко ставилъ единицы. Тѣмъ не менѣе у него сидѣли, какъ истуканы, и не смѣли ни слова шепнуть товарищу: ужъ очень боялись его насмѣшекъ, которыя намъ казались непомѣрно ѣдкими. Кромѣ нихъ онъ пускалъ въ ходъ только одно наказаніе—изгнаніе изъ класса, да и то потому, что устраивалъ себѣ изъ него забаву: если ученикъ не выходитъ самъ и проситъ прощенія (обыкновенно всѣ такъ дѣлали изъ глупаго стремленія доставить потѣху учителю и всему классу), Магницкій велитъ, бывало, растворить двери, засучитъ правый рукавъ своего дорогаго фрака, возьметъ ученика за шею и ждетъ, когда по корридору будетъ проходить экономъ или кто-нибудь изъ надзирателей и пускаетъ въ него ученикомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы тотъ ударился ему въ животъ; послѣ этого онъ насмѣшливо извинится передъ пострадавшимъ и вполнѣ довольный усядется на каѳедру.

Помню такой характерный случай. Я былъ уже въ 3 классѣ, а Магницкій, намѣревавшійся выходить изъ гимназіи въ отставку [1]), былъ особенно небреженъ и въ классѣ почти все время проводилъ въ подобныхъ забавахъ. Былъ у насъ «силачъ» Игнатьевъ, подростокъ лѣтъ пятнадцати, отличавшійся непомѣрно длинными и для его возраста, дѣйствительно, очень крѣпкими руками. Въ классѣ Магницкаго онъ что-то шепнулъ сосѣду; Магницкій позвалъ его къ каѳедрѣ, милостиво пошутилъ и велѣлъ выдти вонъ. Игнатьевъ, хвалившійся прежде передъ нами, что Магницкій не посмѣетъ «вышвырнуть» его, какъ другихъ, довольно дерзко отвѣчалъ:—Я не пойду.

У Магницкаго, который, несмотря на невысокій ростъ, обладалъ незаурядной силой, лицо потемнѣло; онъ быстро всталъ, кивнулъ чтобъ отворили двери, и на этотъ разъ, уже не дожидаясь пѣли пу-

[1]) Онъ перешелъ на службу въ коммерческое училище.

стилъ Игнатьева такъ, что тотъ проѣхался, какъ на конькахъ, черезъ половину обширнаго класса и выкатился въ коридоръ; но тамъ, остановившись, обернулся къ Магницкому и, поднявъ кулакъ, гнѣвно произнесъ:

— Ты у меня, Павелъ Петровъ, смотри: впередъ такъ не толкайся!

Мы замерли отъ ужаса; а Магницкій искренно весело разсмѣялся и только сказалъ:

— Экой дуракъ какой! Дежурный, запри дверь.

Послѣ этого онъ не только не мстилъ Игнатьеву, а какъ будто даже полюбилъ его.

Читатели, конечно, увѣрены, что такой лѣнтяй учитель ничему насъ не научилъ, но Магницкій былъ настолько способный человѣкъ, что въ тѣ 10—15 уроковъ, которые онъ все же посвящалъ дѣлу, онъ успѣвалъ съ нами столько, что мы переходили въ 4-й классъ, пожалуй, болѣе подготовленными, чѣмъ еслибы насъ училъ усердный, но заурядный учитель.

Во-первыхъ, онъ любилъ стихи (и прекрасно читалъ ихъ), а потому заставлялъ насъ заучивать массу басенъ Крылова и тѣхъ стихотвореній, которыя нравились ему самому.

Далѣе: по грамматикѣ онъ не давалъ намъ никакого учебника, такъ какъ не удовлетворялся существовавшими, и, какъ бы предугадывая то, что войдетъ въ употребленіе черезъ 6—7 лѣтъ, начиналъ не съ этимологіи, а съ синтаксиса простаго предложенія, который проходилъ исключительно на разборѣ, при чемъ самъ-ли выдумалъ или усвоилъ отъ кого-нибудь довольно остроумный способъ представлять этотъ разборъ графически: отъ опредѣленія къ слову опредѣляемому вела подстрочная дуга, заканчивающаяся стрѣлкою; отъ дополненія или обстоятельства вела такая же подстрочная дуга.

Склонять и спрягать мы выучивались уже въ I классѣ; во II производили это почти безошибочно и тогда же проходили на разборѣ всѣ части рѣчи, а въ концѣ года получали 2—3 листика почтовой бумаги, въ которыхъ заключалась вся суть этимологіи, ихъ мы безъ особаго труда выучивали на зубокъ; подобные же 3—4 листика, заключавшіе суть синтаксиса сложнаго предложенія, получались въ концѣ III класса, и устный экзаменъ сходилъ блестяще, тѣмъ болѣе, что ассистенты, опасаясь злаго языка Магницкаго, рѣдко рѣшались вмѣшиваться.

Что касается до ореографіи, надъ которой нынѣ обыкновенно убиваются учителя и учительницы въ 3-хъ первыхъ классахъ, Магницкій не училъ насъ ей вовсе, а между тѣмъ выучивалъ не хуже, чѣмъ другіе его современники. Онъ дѣлалъ такъ: до втораго полугодія третьяго класса, сколько помню, вовсе не занимался ни диктантами, ни изложе-

ніями; но то, что мы учили наизусть, мы должны были умѣть писать на доскѣ и, дѣйствительно, умѣли не столько изъ страха единицъ, сколько изъ страха его остротъ и насмѣшекъ. А въ III классѣ послѣ Рождества онъ продиктовалъ намъ, какъ сейчасъ помню, отрывокъ изъ «Портрета» Гоголя, объявивъ предварительно, что за каждую ошибку будетъ вычитать по баллу. Въ результатѣ получилось штукъ пять пятерокъ, столько же четверокъ, меньше четверти единицъ и двоекъ, остальныя тройки. Повидимому, онъ былъ доволенъ результатомъ, такъ какъ диктантовъ цѣлому классу онъ, кажется, и не возобновлялъ. Вотъ и всѣ его труды надъ нами.

Рѣшительно не помню, кто у насъ въ I классѣ былъ «батюшкой». Но ясно припоминаю, что всѣ трое «батюшекъ», перемѣнившіеся у насъ въ теченіе 7 лѣтняго курса, пользовались нашимъ уваженіемъ: единицъ почти не ставили, подъ розги никого не подводили, а между тѣмъ какъ-то заставляли насъ учиться (даже всѣ тексты учить изъ катехизиса Филарета) и умѣли держать классъ. Батюшка Надеждинъ, преподававшій въ старшихъ классахъ, позволялъ себя «заговаривать», т. е. охотно отвѣчалъ на наши болѣе или менѣе хитроумные вопросы [1]) и тратилъ иногда половину урока на разъясненія и споры. Мы тогда втихомолку смѣялись, что онъ поддается нашей хитрости; но теперь я думаю, что онъ насквозь насъ видѣлъ; а считалъ такіе разговоры для насъ далеко не безполезными. И кто не согласится съ нимъ?

Было-ли такое наше отношеніе къ закону Божію обусловлено особеннымъ нашимъ счастіемъ, или вообще столичные законоучители (всѣ изъ окончившихъ академію) выбирались тогда изъ лучшихъ священниковъ, не могу сказать съ увѣренностію.

Какъ разъ наоборотъ стояло дѣло съ новыми языками и особенно съ чистописаніемъ и рисованіемъ. Ничего нельзя себѣ представить антипедагогичнѣе постановки этихъ преметовъ. Нашъ учитель «искусствъ» (Александръ Трофимовичъ Скино) былъ, можетъ быть, и прекрасный техникъ, но о томъ, какъ держать классъ и какъ учить насъ, имѣлъ такъ же мало понятія, какъ курица о мореплаваніи. Я прекрасно помню, что въ продолженіе всего втораго класса я писалъ одно слово: т и ш и н а по двумъ линейкамъ, а въ третьемъ прямо перешелъ къ скорописи; два года подъ-рядъ я рисовалъ классическій шлемъ и такъ наловчился въ этомъ дѣлѣ, что всегда получалъ 5, но никогда и не пытался нарисовать что-либо другое. Если въ гимназіи не было ни директора, ни инспектора, классъ Скино превращался въ нѣчто неска-

---

[1]) Напр. слѣдуетъ-ли подавать нищему, если знаешь, что милостыня будетъ снесена въ кабакъ?

занно ярмарочное. Вотъ въ чемъ состояло, напр., наше времяпрепровожденіе:

Только-что усѣлся учитель на каѳедрѣ, выставилъ abs'ы и разложилъ свой рисунокъ (частная работа, не имѣвшая никакого отношенія къ нашему классу), поднимается одинъ ученикъ.

— Александръ Трофимовичъ, я перо забылъ.

— Становись на колѣни,—отвѣчаетъ тотъ, не поднимая головы.

— Александръ Трофимовичъ, я тетрадь забылъ.

— Становись на колѣни.

— Александръ Трофимовичъ, у меня линейки нѣтъ.

— Становись на колѣни и т. д., и т. д.

Черезъ пять минутъ больше половины класса стоитъ (вѣрнѣе: сидитъ, лежитъ и ползаетъ) на колѣняхъ. Между наказанными шумъ, гамъ, толкотня; немногіе сидящіе на скамейкахъ смѣются, посылаютъ наказаннымъ «галокъ» (бумажная стрѣла). Александръ Трофимовичъ поднимаетъ наконецъ голову.

— Ступайте всѣ вонъ!—говоритъ онъ колѣнопреклоненнымъ.

Тѣ съ хохотомъ убѣгаютъ въ корридоръ. Оставшимся завидно.

— Александръ Трофимовичъ! и у насъ перьевъ нѣтъ.

— Становитесь всѣ на колѣни! Тѣ со смѣхомъ оставляютъ скамейки. Но вотъ «Адольфъ», призванный какимъ-нибудь учителемъ сосѣдняго класса, вгоняетъ толпу изгнанныхъ, поощряя ихъ толчками, и что-то шепчетъ на ухо Скино.

— Инспекторъ здѣсь!—догадывается кто-то изъ насъ, и у всѣхъ моментально являются и перья, и тетради, а Скино столь же моментально прячетъ свой рисунокъ и начинаетъ ходить между нами. Но тревога оказалась ложною, и черезъ пять минутъ опять начинается:

— Александръ Трофимовичъ! Я перо сломалъ.

— Становись на колѣни, и т. д., и т. д.

Учитель французскаго языка М-г Фуке, или М-г Фукъ, какъ мы его называли и въ глаза, во-первыхъ, очень плохо зналъ по-русски и понималъ насъ такъ же мало, какъ и мы его. Хотя онъ былъ строгъ и временами даже бѣшенъ, все же мы продѣлывали надъ нимъ непозволительныя штуки. Начинаетъ, напримѣръ, дежурный читать молитву и, заранѣе сговорившись, чтобы никто не смѣялся, читаетъ ее три раза подъ-рядъ, а потомъ тѣмъ же тономъ и скороговоркою читаетъ:

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинахъ по холмамъ и т. д.

Потомъ Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ, потомъ басни, ему извѣстныя и пр. Иные художники растягивали молитву минутъ до двадцати, пока въ рядахъ учениковъ поднимался неистовый смѣхъ, а Фукъ начиналъ дико вращать глазами...

М-г Фуке не училъ насъ переводить ни съ русскаго, ни на русскій, а задавалъ намъ зубрить грамматику по какому-то учебнику со всѣми тонкостями и исключеніями; девять десятыхъ класса ровно ничего не понимали изъ того, что отвѣчали ему. Все, чѣмъ мы, не говорившіе по-французски, воспользовались отъ него за цѣлые три года, это навыкомъ спрягать глаголы.

Но М-г Фуке не былъ худшимъ изъ тѣхъ трехъ учителей, которыхъ пережилъ я за 7 лѣтъ въ гимназіи. Въ старшихъ классахъ, правда, насъ училъ человѣкъ очень умный и замѣчательно образованный, владѣвшій превосходно и русскимъ языкомъ, Густавъ Ивановичъ Коппъ (бывшій позднѣе ученымъ секретаремъ Румянцевскаго лицея); но онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ строгостямъ, что у него занимался, только тотъ, кто хотѣлъ заниматься, а таковыхъ было немного. Ясно помню двѣ сценки, характеризующія не его методу ученія, а нашу методу обращенія съ нимъ. Первая—изъ курса VI класса. На задней скамейкѣ трое учениковъ играютъ въ преферансъ; я сижу по близости и читаю романъ. Проходитъ по классу Густавъ Ивановичъ Коппъ и крѣпко возмущается не моимъ романомъ, конечно, а картежниками.

— Господа! Вѣдь ваше поведеніе совершенно неприлично: развѣ можно такъ явно на урокѣ въ карты играть?

— Нельзя-то, нельзя, Густавъ Ивановичъ,—отвѣчаетъ ему одинъ изъ игроковъ, задумавшійся надъ ходомъ.—Да, вотъ вы скажите-ка, какъ тутъ поступить: я семь трефъ играю, съ чего идти теперь? Густавъ Ивановичъ (самъ отличный игрокъ) подумалъ секунду и сказалъ: «разумѣется, съ дамы» и, сконфузившись, пошелъ прочь.

Черезъ годъ, въ VII классѣ, Густавъ Ивановичъ изучаетъ списокъ, въ виду окончанія четверти и видитъ, что у меня нѣтъ балла.

— Г. Кирпичниковъ!—онъ былъ изысканно учтивъ съ нами:—у васъ отмѣтки нѣтъ. Потрудитесь отвѣтить урокъ.

— Погодите, Густавъ Ивановичъ, минутъ десять: я очень занятъ,—отвѣчалъ я, не вставая и уткнувшись въ книгу, вовсе не французскую Коппъ вызываетъ другаго, а черезъ 10 минутъ снова обращается ко мнѣ: кончили вы, наконецъ? Можете отвѣтить?

— Нѣтъ, еще не кончилъ.

— Да, въ чемъ дѣло?

— Не могу понять двухъ стиховъ изъ Горація, а у насъ сейчасъ латынь.

— Покажите мнѣ!

Я показываю; Коппъ сразу разрѣшаетъ мое недоумѣніе и проситъ въ благодарность отвѣтить ему. Я у него же спрашиваю что задано? отвѣчаю, и получаю пятерку.

Это былъ можетъ быть, лучшій учитель во всей Москвѣ, по крайней

мѣрѣ, по степени подготовки и по порядочности. За то М-г Ге, который училъ насъ въ среднихъ классахъ, былъ навѣрно изъ худшихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ подзывалъ къ каѳедрѣ говорящихъ по-французски и преимущественно богатенькихъ, продавалъ имъ, будто-бы, по случаю, пріобрѣтенные фуляровые платки и полушопотомъ разсказывалъ такіе скабрезные анекдоты, что мальчики попорядочнѣй отказывались идти на его вызовъ и жаловались родителямъ; намъ же, не говорившимъ по-французски, онъ ставилъ тройки или четверки, по указаніямъ своихъ любимцевъ.

Цѣлый годъ терпѣло его начальство, но, къ чести своей, не больше.

Чтобы покончить съ новыми языками, скажу о нѣмецкомъ. Въ 3-хъ младшихъ классахъ нѣмцемъ былъ нѣкто Томсонъ; впрочемъ, неомотря на англійскую фамилію, онъ дѣйствительно былъ нѣмецъ и по-англійски не зналъ ни слова. Это былъ человѣкъ очень добродушный, даже добрый по-своему, неглупый, но мало образованный и, конечно совсѣмъ не педагогъ; родной языкъ зналъ онъ только практически и, не мудрствуя лукаво, шелъ по учебнику, не прибавляя и не упуская ни одного слова.

Не могу не припомнить относительно его одного факта, весьма характернаго для такъ называемаго добраго стараго времени. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, честнѣе половины своихъ сослуживцевъ, но вовсе не считалъ грѣхомъ, съ вѣдома всего начальства и всѣхъ гимназистовъ, давать уроки своимъ ученикамъ въ самой гимназіи. Онъ отнюдь не тѣснилъ богатенькихъ, вымогая такіе уроки, и бралъ за нихъ очень дешево: по 1 р. за часъ; но соединялъ 7, 8 и болѣе учениковъ вмѣстѣ и давалъ такіе сводные уроки 3 раза въ недѣлю, отъ 8 часовъ утра до 9, въ одномъ изъ пустыхъ классовъ, какъ разъ противъ учительской. Родителямъ было не тяжело платить 12—13 руб. въ мѣсяцъ и пріятно, когда сынъ изъ троечниковъ дѣлался пятерочникомъ, а ему выгодно, такъ какъ онъ за 3 недѣльные часа получалъ около 100 рублей въ мѣсяцъ.

Это продолжалось десятки лѣтъ подъ-рядъ; но когда я поступилъ учителемъ въ ту же гимназію въ 1865 г. и спросилъ его, продолжаются-ли по-прежнему его ранніе уроки, онъ даже сконфузился:

— Да, что вы! Какъ можно? Развѣ при нынѣшнихъ порядкахъ это дозволяютъ? Да, я и самъ усталъ!

Въ старшихъ классахъ по-нѣмецки насъ училъ нѣкто Сиверсъ, старшій надзиратель, кажется, человѣкъ неглупый и учитель довольно строгій, не пропустившій ни одного урока, и все-таки же, по полному равнодушію къ дѣлу, ухитрившійся не выучить насъ ровно ничему. На выпускномъ экзаменѣ я могъ получить 5 только потому, что переводилъ,

будто-бы à livre ouvert, статью, надъ которой мы сидѣли недѣли четыре.

Естественную исторію преподавалъ намъ всѣ семь лѣтъ одинъ учитель, очень хорошо знавшій свой предметъ, воспитанникъ Педагогическаго института Вл. Вас. Григорьевъ. Талантливый и добрый человѣкъ, онъ, когда мы были въ младшихъ классахъ, покучивалъ весьма основательно, но, впрочемъ, въ классъ приходилъ (если приходилъ) вполнѣ трезвый; потомъ онъ женился, остепенился и издалъ нѣсколько учебниковъ, для своего времени, говорятъ, очень хорошихъ. Какъ у учителя, у него былъ одинъ недостатокъ: онъ занимался не съ цѣлымъ классомъ, а съ тѣми немногими, которые окружали его каѳедру. Поэтому изъ его учениковъ вышло довольно много естествоиспытателей, но мы, остальные, не интересовавшіеся предметомъ спеціально, выносили за всѣ семь лѣтъ лишь нѣсколько десятковъ названій ни на что намъ не нужныхъ, а передъ живой природой были такъ же немощны, какъ самые завзятые классики.

Географіи училъ насъ Оскаръ Гебель, впослѣдствіи директоръ одной изъ московскихъ же гимназій, училъ, сколько помню, хорошо.

Григорьевъ и Гебель это было уже молодое поколѣніе учителей, съ отвращеніемъ смотрѣвшее и на взятки, и на розги, и своимъ примѣромъ замѣтно умягчавшее ваши дикіе нравы.

Возвращаюсь къ собственной въ то время очень маленькой личности. Въ первомъ классѣ я былъ не только хорошимъ ученикомъ (цѣлый годъ третьимъ на золотой доскѣ), но и хорошимъ мальчикомъ, а со второго, учась въ общемъ недурно и переходя съ наградами, я пустился во всѣ тяжкія по части дракъ и всякихъ шалостей. Руководило мною, сколько помню, честолюбіе, желаніе играть роль въ классѣ; а духъ заведенія былъ такой, что смирные и скромные мальчики внушали товарищамъ не уваженіе, а антипатію и почти презрѣніе. «А! маменьки боишься! Маменька за ушко выдеретъ и конфетки не дастъ!»—говорили такому мальчику, когда онъ отказывался принять участіе въ какой-нибудь самой дикой и грубой шалости, и это производило на живыхъ и честолюбивыхъ дѣтей сильное дѣйствіе. У меня же, какъ на грѣхъ, въ это время разстроилось семейное положеніе: умеръ внезапно отецъ, мы обѣднѣли, и мать не могла очень усердно слѣдить за моимъ ученіемъ. Я и пожелалъ стать молодцомъ и достигъ своей цѣли. И знаешь, бывало, урокъ, но неприлично его отвѣтить безъ какого-нибудь надувательства или грубости учителю, и считываешь съ ногтя имена, которыя и безъ того мнѣ извѣстны, и просишь подсказывать, когда это совсѣмъ не нужно. Грубости говорили рѣшительно всѣмъ, кромѣ развѣ Магницкаго, что̀ не мѣшало, въ случаѣ угрозы розгами, вопить и валяться въ ногахъ даже у Адольфа. Въ разговорахъ между собою сквернословили

самымъ отчаяннымъ образомъ, хотя многіе, и я въ томъ числѣ, совсѣмъ не понимали тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя говорили мы. Что дѣлать! Мода того требовала.

Четвертый классъ, куда мы перешли въ 1857 году, служилъ какъ-бы передѣломъ въ гимназической жизни того времени. Съ него начинался новый главный предметъ—латинскій языкъ [1]); переходъ въ этотъ классъ, какъ увѣряли у насъ, давалъ какія-то права «на чинъ», такъ какъ равнялся окончанію курса въ уѣздномъ училищѣ, а главное: въ силу древняго обычая въ немъ тѣлесныя наказанія примѣнялись только въ экстренныхъ случаяхъ, да и тогда возбуждали глубокое негодованіе учениковъ, иногда выражавшееся даже готовностію на преступленіе. Такъ за годъ до насъ въ одно прекрасное утро по гимназіи разнесся слухъ, что «казенный» четвероклассникъ К., котораго инспекторъ повелъ сѣчь, въ самый критическій моментъ досталъ изъ-за голенища ножъ и разрѣзалъ инспектору животъ. Дѣйствительно, послѣ этого воспитанникъ К. исчезъ изъ гимназіи навсегда (разсказывали, будто онъ избѣгъ суда, такъ какъ былъ признанъ психически больнымъ), а инспекторъ Гривцовъ не показывался недѣли три. Въ 1-й Московской гимназіи, кромѣ того, съ 4-го класса мы, своекоштные, соединялись съ пансіонерами и переселялись изъ полутемнаго внутренняго коридора въ свѣтлый, гдѣ помѣщались всѣ старшіе классы и куда обыкновенно направлялись высокіе посѣтители.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также въ виду того, что къ намъ поступило нѣсколько новыхъ учениковъ изъ хорошихъ дворянскихъ семей (двое являлись экзаменоваться даже въ пажескихъ мундирахъ) и въ виду значительнаго измѣненія нашего учительскаго персонала, большинство моихъ товарищей почувствовали себя въ 4-мъ классѣ полувзрослыми; но я былъ слишкомъ еще юнъ для этого—мнѣ только-что минуло 12 лѣтъ, и для меня лично этотъ классъ промелькнулъ мало замѣтно. Изъ новыхъ преподавателей сильнѣе всѣхъ врѣзался въ нашу память новый инспекторъ Копосовъ, взявшій на себя обязанность внѣдрить въ насъ элементы латинскаго языка. Онъ терроризировалъ насъ своею строгостью, но за то склоненія и спряженія вбилъ основательно, въ иныхъ чуть-ли не на всю жизнь. Метода онъ держался новаго и интереснаго, единственно пригоднаго при томъ маломъ количествѣ времени, которое отпускалось тогда на латынь (по 4 часа въ недѣлю въ 4 старшихъ классахъ), но пріемы употреблялъ весьма курьезные, и не будь онъ въ то же время строгимъ инспекторомъ, едва-ли мы выучились бы у него чему-нибудь путному. Онъ велѣлъ купить намъ басни

[1]) Таковыми признавались Законъ Божій, русскій языкъ и математика; только въ нихъ двойка считалась непереводнымъ балломъ.

Федра и сразу началъ чтеніе 1-й басни: Lupus et agnus; за чтеніемъ слѣдовалъ переводъ 1-й фразы, а потомъ обстоятельный разборъ съ изученіемъ краткой этимологіи (1-ое склоненіе—lupa, 2-ое lupus и т. д.); затѣмъ долженъ былъ слѣдовать переводъ на латинскій и съ латинскаго всевозможныхъ комбинацій изъ разученныхъ словъ; но до этого мы, кажется, дойти не успѣли. Пріемы же у него были такіе: ученикъ, напримѣръ, спрягаетъ глаголъ sum и пропускаетъ, положимъ, imperfectum.

— Что же ты перескочилъ черезъ imperfectum? Ты, стало быть, какъ теленокъ скачешь: скокъ! скокъ! И почтенный инспекторъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица начинаетъ показывать, какъ скачетъ теленокъ, что̀ было мукой не только для провинившагося, но и для всего класса, такъ какъ смѣяться никто не смѣлъ.

Отчего мы его такъ боялись, я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета; несомнѣнно, что его черные «строгіе» глаза и вообще вся его довольно мрачная наружность была первой причиной, но важнѣйшая заключалась въ манерѣ держать себя съ учениками, выработанной, очевидно, опытомъ. Вотъ для образца сценка, въ которой я игралъ довольно печальную роль.

На второй день послѣ вступленія въ должность, инспекторъ входитъ къ намъ послѣ перваго звонка (по первому звонку мы шли въ классъ и усаживались; по второму шли по классамъ учителя); мы встали, разумѣется, и затѣмъ опять сѣли, не дождавшись его кивка.

Обведя насъ всѣхъ мрачнымъ взоромъ, инспекторъ заявляетъ:

— Пока начальникъ не велитъ вамъ садиться, вы должны стоять, хотя бы онъ вышелъ изъ класса. Поняли?

Въ слѣдующую перемѣну онъ входитъ опять; мы встаемъ; онъ сейчасъ же повертывается и выходитъ. Мы продолжаемъ стоять, видя въ этомъ испытаніе.

— Если мы, какъ лакеи, въ ожиданіи барина стоять должны, намъ бы слѣдовало хоть шинели дать держать,—остритъ въ полголоса стоящій сзади меня товарищъ.

Я былъ очень смѣшливъ и фыркнулъ, хоть и подозрѣвалъ, что черный инспекторскій глазъ смотритъ въ дверную скважину.

Мгновенно явился Копосовъ, велѣлъ всѣмъ сѣсть, а меня поманилъ за собою пальцемъ въ корридоръ.

— Ты чему смѣялся?—спросилъ онъ, устремивъ на меня свои безжалостные глаза.

— Такъ-съ; виноватъ! Смѣшно показалось.

— Что же это тебѣ смѣшно показалось?

— Вспомнилъ смѣшное.

— Такъ вотъ, чтобъ ты впередъ не вспоминалъ чего не надобно,

я тебя въ книжечку внесу. Ты знаешь эту книгу?—и онъ показалъ мнѣ переплетенную темную тетрадь.

— Нѣтъ, не знаю-съ.

— Это черная книга; плохо тому будетъ, кто попадетъ сюда два раза! А ты уже разъ попалъ сюда. Какъ твоя фамилія?

Я сказалъ и воротился въ классъ, какъ въ воду опущенный, да и товарищей черной книгой напугалъ. Къ счастію, мои бойкіе отвѣты изъ латинской этимологіи нѣсколько примирили со мною строгаго инспектора.

Новый учитель русскаго языка Г. (онъ, кажется, живъ до сихъ поръ) былъ человѣкъ не безъ способностей и не безъ знаній по словесности (судя по его печатнымъ трудамъ), но насъ онъ училъ славянскому языку, который онъ и самъ зналъ плохо, и синтаксису, по очень толстому учебнику Перевлѣсскаго, въ которомъ объ одномъ предлогѣ о говорилось на 3-хъ или 4-хъ страницахъ; эту безполезную премудрость мы запоминали черезъ пятое на десятое. Учитель былъ доволенъ и этимъ, и ставилъ пятерки тѣмъ, кто говорилъ побойчѣе. Г. поступилъ къ намъ изъ провинціи и черезъ годъ опять перешелъ въ провинцію инспекторомъ.

Въ томъ же IV классѣ начиналась и исторія; положимъ, два урока ея полагалось и въ III классѣ, но тамъ они давались совмѣстно съ географіей, и опредѣленнаго курса для исторіи не полагалось: учи, чему хочешь. И исторію и географію въ III классѣ училъ насъ очень извѣстный въ то время по Москвѣ педагогъ Зенгбушъ, довольно удачно воскресившій полузабытый методъ Язвинскаго, по которому всякій подлежащій запоминанію фактъ долженъ быть связанъ съ какимъ-нибудь изображеніемъ. Такъ, напримѣръ, нарисовавъ Скандинавскій полуостровъ, учитель изображалъ на немъ и массу условныхъ фигуръ, которыя представляли животныхъ, растенія, занятія жителей и пр. Ученикъ разсказывалъ сперва по такой разрисованной картѣ, а потомъ постепенно переходили и къ картѣ нѣмой. По исторіи этотъ способъ сосредоточивалъ дѣло на хронологіи: въ классъ вносилась разграфленная доска, изображавшая изъ себя 20 столѣтій. Преподаватель, положимъ, говорилъ годъ крещенія Руси 988-й и кратко повѣствовалъ объ этомъ событіи. Затѣмъ спрашивалъ: которое это будетъ столѣтіе? Найдите его на доскѣ? Которое десятилѣтіе? Найдите клѣточку, соотвѣтствующую году крещенія, и поставьте здѣсь крестикъ. На слѣдующемъ урокѣ учитель спрашиваетъ:

— Покажите годъ крещенія Руси? Который это будетъ годъ?— Медленно, но вѣрно ученикъ опредѣляетъ годъ 988-й. Черезъ 2—3 урока отъ частаго повторенія годъ врѣзается въ память, какъ врѣзается и степень его близости къ другимъ важнымъ годамъ изъ русской и всеобщей исторіи. Метода, проводимая энергичнымъ и предан-

нымъ ей преподавателемъ, приносила хорошіе плоды (доска эта и сейчасъ мнѣ ясно представляется); но исторіей этого нельзя было назвать.

Съ IV класса по всеобщей и русской исторіи бралъ насъ въ свои руки В. И. Сончаковъ, о которомъ я встрѣчалъ воспоминанія (и всегда въ очень отрадномъ смыслѣ) въ разсказахъ Максимова объ А. Н. Островскомъ и еще гдѣ-то, хотя онъ едва-ли дожилъ и до 35 лѣтъ. Это была во всѣхъ отношеніяхъ, какъ тогда выражались, *свѣтлая личность*, и моя, по крайней мѣрѣ, память о школьномъ времени была бы втрое тусклѣй и мрачнѣй, еслибъ не училъ въ 1-й гимназіи Сончаковъ; да и вся дальнѣйшая жизнь моя, по всей вѣроятности, сложилась бы совсѣмъ иначе. Ученикъ Грановскаго и Кудрявцева, онъ связывалъ наше поколѣніе съ ихъ незабвенными именами и, какъ мнѣ теперь кажется, сразу, точно чудомъ, превращалъ насъ изъ противныхъ звѣренышей въ маленькихъ, но уже почти воспитанныхъ дѣтей. Если бы первый *силачъ* изъ казенныхъ осмѣлился сказать грубость Сончакову и тѣмъ огорчилъ его, любой изъ насъ бросился бы на силача, какъ раздраженный воробей на ворона. Несмотря на свою болѣзненность, Сончаковъ не только не пропускалъ ни одного урока и готовился къ каждому изъ нихъ, какъ только могъ лучше, но, главное, онъ и въ классѣ не терялъ ни одной минуты и работалъ неустанно, изъ всѣхъ силъ. Учительство для него было не чиновничьей службой и не ремесломъ, а свѣтлымъ, великимъ дѣломъ и подвигомъ. Онъ не былъ особенно талантливъ, говорилъ онъ не очень красиво; но когда я черезъ два года прочелъ Тургеневскаго Рудина, я не могъ не сравнить съ Рудинымъ-учителемъ нашего Сончакова, и сравненіе было не въ пользу великаго фразера, а въ пользу нашего болѣзненнаго историка, который только скромно дѣлалъ *свое* дѣло при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и дѣйствовалъ на насъ не столько словомъ, сколько примѣромъ своимъ. Оцѣнили мы его и поняли, конечно, не сразу; но когда поняли, то многіе изъ насъ уже мѣры своему увлеченію не знали.

Въ IV классѣ у насъ полагалась древняя исторія. Ни по Кайданову, ни по Смарагдову Сончаковъ не рѣшился вести насъ, а выкопалъ очень небольшой, но довольно толковый учебникъ Бертé, сухой скелетъ котораго онъ облачалъ плотію посредствомъ своихъ разсказовъ. Въ V классѣ для средней исторіи онъ, какъ самъ говорилъ, былъ такъ *счастливъ*, что могъ назначить намъ только-что вышедшій учебникъ Стасюлевича; но онъ пугалъ насъ VI классомъ: новая исторія всѣхъ важнѣе, а проходить ее придется по тупому и пошлому Смарагдову!

И вотъ трое изъ насъ лѣтомъ, при переходѣ изъ V класса въ VI-й (мнѣ въ то время едва минуло 14 лѣтъ, моимъ соратникамъ было не-

многимъ больше) рѣшили, для общей пользы и для удовольствія Сончакова (хотя онъ и называлъ наше предпріятіе глупостью) составить свой учебникъ по всѣмъ лучшимъ пособіямъ. Учебникъ мы, конечно, не составили [1]), но каждый изъ насъ прочиталъ съ конспектомъ по полудюжины хорошихъ книгъ и исписалъ по дюжинѣ тетрадей. Судите, насколько эта добровольная работа была полезна намъ.

Въ V классѣ мы получили еще двухъ, даже пожалуй трехъ хорошихъ учителей. Латыни насъ сталъ учить едва-ли не лучшій знатокъ этого предмета изъ гимназическихъ учителей всей Москвы Яковъ Вас. Смирновъ [2]), которому я безконечно много обязанъ не только въ гимназіи, но далеко за предѣлами ея. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Педагогическомъ институтѣ и въ мое время былъ уже сѣдымъ одинокимъ старикомъ, проводившимъ жизнь по-монашески. Онъ состоялъ старостой нашей гимназической церкви, жилъ въ самомъ зданіи гимназіи (гдѣ теперь одна изъ залъ попечительской канцеляріи) и бывалъ у всѣхъ церковныхъ службъ безъ исключенія, при чемъ онъ буквально первымъ входилъ въ церковь и послѣднимъ выходилъ изъ нея, потушивъ свѣчи. Все остальное его время уходило на работу надъ классиками, лучшими изданіями которыхъ вмѣстѣ съ Forcellini, Стефани и др. дорогими пособіями, была сплошь завалена его большая комната и даже его крошечная спальня, и на тайныя добрыя дѣла, куда шли всѣ его доходы почти до копѣйки; самъ на себя онъ едва-ли проживалъ больше гривенника или пятіалтыннаго въ день, такъ какъ просвирка и чай, кажется, составляли его единственную пищу. Человѣкъ идеальной доброты и честности, онъ какъ-то умудрялся представлять себѣ и всѣхъ другихъ людей такими же и жилъ въ мирѣ и любви и съ начальствомъ, и съ товарищами, и съ учениками, которые, впрочемъ, вовсе не считали за грѣхъ обманывать его самымъ безсовѣстнымъ образомъ; иногда онъ и замѣчалъ обманъ, дѣлалъ видъ, что сердится, но сейчасъ же прощалъ и забывалъ. Но въ общемъ учительской ловкости у него не было и слѣда, и одинъ ученикъ, хорошо знающій грамматическія формы, могъ вполнѣ удобно отвѣчать за цѣлый классъ, когда Яковъ Васильевичъ спрашивалъ насъ съ мѣста и въ разбивку; за то

---

[1]) Да онъ, къ счастію, оказался и не нуженъ, такъ какъ въ эту же зиму вышелъ Веберъ въ переводѣ Соколова.

[2]) Кромѣ краткой этимологіи, которая выдержала нѣсколько изданій, Я. В. Смирновъ напечаталъ подробную латинскую грамматику въ 2-хъ частяхъ, Саллюстія и Метаморфозы Овидія съ примѣчаніями и словарями, и книгу для перевода съ русскаго на латинскій.

Кромѣ древнихъ языковъ онъ вполнѣ свободно читалъ по-нѣмецки, хотя произносилъ и очень плохо.

если кто изъ насъ хотѣлъ заниматься латынью, всѣ связи и всѣ книги Якова Васильевича такъ же, какъ и все его время, были къ услугамъ любознательнаго мальчика. Мало этого: и по окончаніи курса въ гимназіи, Яковъ Васильевичъ не покидалъ хорошаго ученика: рекомендовалъ его профессорамъ въ университетъ и доставлялъ ему хорошіе уроки.

Этотъ по истинѣ святой человѣкъ слишкомъ далеко стоялъ отъ насъ, насмѣшливыхъ мальчишекъ, уже испорченныхъ и системой воспитанія вашего въ младшихъ классахъ, и вліяніемъ крѣпостной прислуги, и плохихъ романовъ, чтобы имѣть на всѣхъ насъ сильное вліяніе; но кто по обстоятельствамъ хоть нѣсколько сближался съ нимъ, на всю жизнь выносилъ изъ этого сближенія идеальный образъ учителя, беззавѣтно преданнаго своему дѣлу.

Ближе къ намъ былъ другой хорошій преподаватель, доставшійся на нашу долю съ того же V класса, преподаватель русской словесности, представители которой по традиціи должны вліять на гимназистовъ старшихъ классовъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ филологическаго факультета Московскаго университета, нѣкто С., и теперь еще крѣпкій и сильный, но въ полномъ уединеніи живущій старикъ. Передъ поступленіемъ въ 1-ую гимназію, онъ прослужилъ уже года четыре гдѣ-то въ оровинціи; тѣмъ не менѣе явился къ намъ до того конфузливымъ, что не поднималъ глазъ отъ списка и въ началѣ совсѣмъ не произвелъ на насъ особо-благопріятнаго впечатлѣнія; къ тому же и задавалъ онъ намъ учить наизусть стихи и образцы ораторской рѣчи. Но прошло три-четыре мѣсяца, и мы невольно стали прислушиваться къ его содержательнымъ, хотя и не краснорѣчивымъ разборамъ всякихъ образцовъ (хотя и смѣялись надъ его полнымъ неумѣніемъ произносить букву р), да и въ рецензіяхъ на наши письменныя упражненія не могли не усмотрѣть искренняго желанія выучить насъ честно думать и правильно писать по-русски. Перешли мы въ 6-й классъ, и С. пріятно поразилъ насъ предложеніемъ сходиться черезъ воскресенье вечеромъ въ гимназіи на литературные вечера, на которыхъ желающіе изъ насъ должны были читать свои переводы и оригинальныя статьи и, подъ руководствомъ преподавателя, подвергать прочитанное обсужденію. Если память меня не обманываетъ, сперва начальство гимназіи приняло эту выдумку подъ свое покровительство: оно предоставило намъ актовый залъ, согнало всѣхъ «казенныхъ» изъ 3-хъ высшихъ классовъ и почтило нѣсколько первыхъ вечеровъ своимъ стѣснительнымъ присутствіемъ. Но это продолжалось мѣсяцъ—два, затѣмъ мы стали собираться въ одномъ изъ классовъ подъ отвѣтственностію только С., въ числѣ неоравненно меньшемъ, и тогда-то дѣло пошло живѣе и лучше: въ «рефератахъ» никогда недостатка не было, а споры, еслибъ ихъ не направлялъ умѣлою рукою нашъ предсѣдатель и еслибъ сол-

даты не тушили лампы въ 10 часовъ, могли бы затягиваться до полуночи. Я помню, что особенно посчастливилось у насъ одной темѣ, въ тотъ моментъ довольно современной, хотя, пожалуй, для насъ и не совсѣмъ подходящей. Кто-то предложилъ характеристику героя въ повѣсти Тургенева: «Рудинъ»—подъ заглавіемъ: Что такое фразеръ? Безконечные споры наши побудили С—а предложить наиболѣе рьяному оппоненту написать свой контръ-рефератъ; онъ вызвалъ рекритику со стороны перваго автора, которая со своей стороны заставила вмѣшаться третьяго и т. д. Дѣло тянулось съ полгода, и рѣшеніе вопроса о фразерствѣ заставило и насъ самихъ пофразерничать въ достаточной степени. Но въ общемъ эти литературные вечера были намъ чрезвычайно полезны; они пріучили насъ къ сознательному чтенію и расширили нашъ умственный кругозоръ, а наши добровольные переводы и компиляціи помогли намъ относительно новыхъ языковъ и пріучили насъ къ серіозной работѣ.

Когда мы въ 1860 г. перешли въ 7-ой классъ, С., кажется, поссорившійся къ этому времени съ инспекторомъ, усерднымъ, но не умнымъ, самодовольнымъ и до крайности рутиннымъ педагогомъ, сталъ нашимъ любимѣйшимъ учителемъ. Едва онъ входилъ въ классъ, какъ треть учениковъ окружала его каѳедру, отъ которой онъ не могъ отогнать насъ никакими силами, и начинались безконечные разговоры на весьма разнообразныя, но всегда серіозныя, историко-литературныя, историческія или, по крайней мѣрѣ, литературныя темы. Здѣсь мы получили весьма ясныя понятія и о гомеровскомъ вопросѣ, и работахъ Буслаева, и о народной поэзіи, и о древней Эддѣ, и объ Оссіанѣ, и о братьяхъ Гриммахъ, и объ Маркѣ Кралевичѣ, и о Песталоцци и пр. и пр. По окончаніи урока мы бѣжали за С—ымъ въ библіотеку и тамъ продолжали бесѣду съ нимъ до послѣдней возможности. Мы сидѣли на мѣстахъ и занимались урокомъ только въ томъ случаѣ, когда въ классъ заходилъ нашъ инспекторъ, усердно наблюдавшій за преподаваніемъ С—а; но тотъ сумѣлъ довольно скоро освободить и себя и насъ отъ соглядатая. Разъ инспекторъ появился въ нашъ классъ и усѣлся на окнѣ въ то время, какъ С. велъ съ нами частный разговоръ о Гамлетѣ; предупрежденные однимъ изъ товарищей, который во-время замѣтилъ «начальство» въ корридорѣ, мы успѣли усѣсться по мѣстамъ, а С., никогда не унижавшій себя перемѣной предмета рѣчи, покончилъ съ характеристикой Гамлета и принялся характеризовать Полонія, смотря въ упоръ на инспектора и такими чертами, что и мы не могли отвести глазъ отъ живаго Полонія, а потомъ начали такъ откровенно пересмѣиваться, что инспекторъ покраснѣлъ, какъ ракъ, демонстративно удалился и больше уже не появлялся на урокахъ русской словесности.

Какъ же при такихъ условіяхъ шло у насъ настоящее дѣло? Какъ исполнялась программа?

Исполнялась такъ хорошо, какъ только могла исполняться тогдашняя нелѣпая программа, заключавшая въ себѣ и теорію и исторію литературы во всемъ объемѣ отъ XI вѣка до XIX включительно, по безъимяннымъ министерскимъ учебникамъ. С—ъ, конечно, не могъ выносить этихъ учебниковъ, а диктовалъ намъ краткіе отвѣты на всякій §§ программы, а разсказами и чтеніемъ пополнялъ продиктованное, такъ что мы, поступая въ университетъ, не только имѣли понятіе о Кириллѣ Туровскомъ, Серапіонѣ и пр. и пр., но и о хронографахъ, палеяхъ и апокрифахъ, и уже не говоря о Державинѣ, Фонфизинѣ, но даже изъ Сумарокова, Княжнина, Аблесимова прочли отрывки по хрестоматіи Галахова. Любя учителя, мы старались даже отличиться у него на экзаменѣ, чтобы не дать его въ обиду инспектору, и въ количествѣ 7—8 человѣкъ пошли на словесный факультетъ. Мы поддерживали съ нимъ дружескія отношенія и въ университетѣ на первыхъ курсахъ и собирались у него раза два въ годъ, а готовившіеся къ учительству или болѣе серьезно занимавшіеся пользовались его совѣтами и книгами.

Я лично, сверхъ всего прочаго, обязанъ всецѣло С—у и тѣмъ знаніемъ нѣмецкаго языка, какое я принесъ въ университетъ. Дѣло было такъ. Передъ Рождествомъ я попросилъ у С—а какой-нибудь работы или темы для сочиненія. Зная всѣхъ насъ, какъ свои пять пальцевъ и, вѣроятно, жалѣя, что такой усердный юноша идетъ въ филологи, не будучи въ состояніи прочесть и полустраницы по-нѣмецки (читать по-французски я выучился на романахъ), онъ принесъ мнѣ не помню ужъ кѣмъ написанную нѣмецкую книжку по гомеровскому вопросу и отмѣтилъ изъ нея страницъ 60—70, гдѣ излагались позднія, сравнительно съ Гомеровской эпохой, преданія о Троянской войнѣ и о возвращеніяхъ героевъ; я долженъ былъ прочесть ихъ и составить конспектъ, чтобы потомъ, пользуясь имъ, изложить прочтенное С—у. Языкъ въ содержаніи поэмъ и преданій оказался, конечно, очень простымъ; тѣмъ не менѣе первыя страницы отняли у меня массу времени, и свой лексикончикъ я истрепалъ за двѣ недѣли до невозможности; потомъ мнѣ стало все легче и легче, и послѣднія страницы я уже прочелъ, только коекогда заглядывая въ словарь. Въ январѣ я возвратилъ книгу, а случая изложить прочтенное такъ и не дождался. Когда года черезъ два я напомнилъ объ этомъ С—у, разсказалъ, что былъ очень тогда обиженъ его невниманіемъ къ моей работѣ, и высказалъ мое предположеніе о томъ, не хотѣлъ-ли онъ просто заставить меня почитать по-нѣмецки, онъ только улыбнулся, по своему обыкновенію, одною стороною рта.

Кстати по поводу новыхъ языковъ мнѣ припоминается одна сценка

изъ послѣдняго года нашей гимназической жизни, которая мнѣ кажется очень характерною для того времени, когда извѣстное свободомысліе дошло уже и до старшихъ классовъ средней школы. Въ серединѣ 2-го полугодія мы какъ-то вдругъ пришли къ сознанію, что новые языки въ университетѣ намъ необходимы, а между тѣмъ большая часть изъ насъ ни по-французски, ни по-нѣмецки, что называется, ступить не умѣютъ. Поговорили мы между собою на эту тему и рѣшили принять энергичныя мѣры.

— Директора! Директора!—стали мы кричать на пустомъ урокѣ во всѣ 28—30 здоровыхъ голосовъ. Сполошились надзиратели; почти бѣгомъ прибѣжалъ инспекторъ: «Чего вы орете?»—вѣжливо обратился онъ къ намъ; «съ ума вы что-ли сошли?» Изъ нашей среды выступили два депутата и очень сдержанно заявили ему, что намъ надо поговорить съ г. директоромъ, хотя мы ничего не имѣемъ и противъ того, чтобы при этомъ разговорѣ присутствовалъ и г. инспекторъ. «По какому это важному (и онъ передразнилъ депутата) дѣлу? Говорите со мною! Стану я для васъ, мальчишекъ, тревожить г. директора!» «Директора! Директора!» забасили наши «казенные», оскорбленные названіемъ мальчишекъ, и забасили такъ, что въ сосѣднихъ классахъ стало невозможно заниматься; въ корридоръ вышли учителя и за ними ученики смотрѣть, какъ бунтуютъ 8-классники.

Директоромъ у насъ былъ Г. К. Виноградовъ, повидимому, очень добрый человѣкъ и даже, говорятъ, хорошій педагогъ—онъ впослѣдствіи управлялъ женскими гимназіями и оставилъ тамъ по себѣ благодарную память,—но нашей гимназіей онъ занимался мало и рѣдко къ намъ показывался, можетъ быть, потому, что не хотѣлъ мѣшать не по разуму ревностному инспектору.

Нечего дѣлать! Инспекторъ побѣжалъ за директоромъ; во время его отсутствія мы вели себя примѣрно; въ другихъ классахъ возобновились уроки. Черезъ 10 минутъ пришелъ директоръ, обладавшій очень величественной фигурой; за нимъ нашъ кругленькій инспекторъ, видимо взволнованный. Мы всѣ встали и очень вѣжливо поклонились. «Здравствуйте, господа!—отвѣтилъ вѣжливо директоръ; о чемъ вамъ угодно говорить со мною?»

Выступилъ одинъ изъ депутатовъ [1]) и очень обстоятельно изложилъ начальству желаніе товарищей. Сущность его сводилась къ тому, чтобы намъ на послѣднее передъ университетомъ полугодіе оставили одинъ день въ недѣлю (кажется, среду) свободнымъ именно для занятія

---

[1]) Если не ошибаюсь, кн. А. И. Урусовъ, впослѣдствіи знаменитый адвокатъ и извѣстный литераторъ.

новыми языками, при чемъ два важныхъ урока этого дня мы согласны перенести на другіе дня недѣли.

Я не помню, что отвѣчалъ намъ директоръ, да, вѣроятно, и плохо понялъ его: не только на меня, но и на старшихъ моихъ товарищей едва-ли могла произвести большое впечатлѣніе ссылка на уставъ гимназій, на недостатокъ власти у него, директора, и т. п. чиновничьи аргументы; но прекрасно помню, что послѣ получасовыхъ очень сдержанныхъ съ обѣихъ сторонъ преній—инспекторъ молчалъ и только вздергивалъ плечами—онъ обѣщалъ намъ доложить объ этомъ нашемъ желаніи педагогическому совѣту и о рѣшеніи его насъ увѣдомить. Онъ удалился, провожаемый нашимъ очень почтительнымъ поклономъ и единодушно выраженною благодарностью.

Само собою разумѣется, что рѣшеніе совѣта по этому вопросу (если только было какое-нибудь рѣшеніе) такъ и не дошло до насъ, а недѣль черезъ пять-шесть мы и сами сообразили, что наше желаніе было едва-ли исполнимо. Я привелъ этотъ случай только для того, чтобы показать, насколько мы стали смѣлы по отношенію къ начальству отчасти потому, что мы были въ послѣднемъ классѣ, а больше по духу времени: со святою вѣрою мы, какъ и весь міръ, вступили въ 1861 г., годъ освобожденія крестьянъ и первой всероссійской студенческой исторіи.

Но она—внѣ предѣловъ этой статейки, и чтобъ закончить послѣднюю, мнѣ остается сказать хоть по нѣсколько строкъ объ остальныхъ преподавателяхъ VII класса, которые не производили на насъ такого сильнаго вліянія, какъ Сончаковъ, Смирновъ и С—въ. Начну по порядку.

Законъ Божій преподавалъ намъ уже не молодой, но, кажется, очень умный священникъ Надеждинъ. Баллы онъ ставилъ довольно щедро, а мы, изъ уваженія къ нему, учили то, что полагалось намъ болѣе или менѣе, усердно. Въ этомъ году, сколько помню, ученики съ одной стороны, а батюшка съ другой, благочестиво обманывали другъ друга: мы по очереди заговаривали его, чтобы не отвѣчать скучнаго и, можетъ быть, не всѣмъ хорошо извѣстнаго урока, а онъ, зная что мы уже выходимъ въ жизнь и даже въ университетъ, всѣ наши духовнонравственные труды ограничилъ зубреніемъ одной тетрадки лекцій богословія, охотно говорилъ съ нами о милостынѣ, о постахъ, о хожденіи къ службѣ и пр.

(Продолженіе слѣдуетъ).